

Ш.З.Зоненфельд

ГОЛОС БЕЗМОЛВИЯ

מרכז "באמונתו יחי"

ЦЕНТР «БЭ-ЭМУНАТО ИХЪЕ»

BNEY DAVID

Издательство «Пардес»
совместно с издательством «Бней Давид»
Иерусалим
5771 (2011)

Автор раб Ш. З. Зоненфельд
Перевод и верстка р. Пинхас Перлов
Редактор Борис Камянов
Корректор Хана Файнштейн
Ответственный редактор р. Цви Патлас
© Все права сохраняются за рабанит Батьей Барг,
тел. 0097226712518, в Израиле 02-6712518
Все средства от продажи книги поступают в фонд
поддержки школы «Ор Батья», руководимой
рабанит Эстер Бен Хаим
тел. 0097226524076, в Израиле 02-6524076

Центр «Бэ-эмунато Ихъе» и издательство «Пардес»
были созданы в честь нашего учителя рава И. Зильбера, ז"ל

Издательство «Бней Давид»
названо в память о Давиде Берковиче Цукермане ז"ל

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарность за неоценимую помощь в издании книги
профессору **Ицхаку Пинсону**,
дорогим киевлянам
Моше-Михаилу и Сарре Цукерман,
Исраэлю-Александрю и Адассе Цукерман
с пожеланием, чтобы милосердный Творец наградил их успехом
и послал благословение во всех делах.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Рабанит Батья Барг хорошо известна в еврейском мире. Ее книга «Голос безмолвия» потрясла всех, кто прочитал ее на иврите, английском, французском и испанском языках. Эта книга – живое свидетельство подвига ее родителей, рава Йеуды-Лейба и Алте-Бейлы Майзликов, освятивших своей чистой верой имя Творца в стране безверия. И сама рабанит Батья своими лекциями, уроками и семинарами зажигает новый огонь веры также и в сердцах тех, кто соблюдает заповеди Торы с детства.

Как-то перед началом выступления устроители попросили ее повторить лекцию в другой школе. «Когда вы меня увидите после лекции», – ответила рабанит, – «вы поймете, что это невозможно – я буду совершенно без сил». И так – каждый урок, каждая лекция, каждая встреча... Во время одной встречи рабанит Батья поделилась своим секретом, которому ее научила мама: «Каждый твой урок должен быть таким, будто это последние слова в твоей жизни».

Перед вами эта книга, впервые выходящая на русском языке. Наше издательство поздравляет будущих читателей с большим подарком – радостью прикосновения к пульсу живой веры.

Главный редактор издательства «Пардес»

р. Цви Патлас

20 адара-1 5771 (2011) года

ПРЕДИСЛОВИЕ БАТЬИ БАРГ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Нашу книгу мы назвали «Голос безмолвия» – ведь там, в стране победившего атеизма, голос веры звучал чуть слышно. Эта книга – свидетельство о жизни моих родителей, людей, чистых сердцем, девизом которых были слова царя Давида: «Даже когда сойду в долину смерти – не устрашусь зла, ведь Ты – со мной». Я хотела, чтобы эта книга стала памятником их самоотверженной верности Творцу. Но как мне, никогда прежде не бравшейся за перо, изложить на бумаге все бурные события жизни моих родителей? Это взял на себя и исполнил прекрасный писатель, человек большой души, рав Шломо-Залман Зоненфельд.

На иврите эта книга вышла более двадцати лет назад. Первое издание было встречено с огромным интересом, и весь тираж был быстро распродан. Вскоре книга увидела свет в переводе на английский, французский и испанский языки. Многие стали спрашивать меня, когда же выйдет и ее русская версия. Я начала искать переводчика, и этот поиск занял у меня почти два десятилетия. Я искала человека, знакомого с основами Торы, который сочетал бы в себе знание советской реальности с ненавистью ко всей той лжи, которой жила эта страна, и мог бы ощутить жгучую боль моих родителей, потерявших всех детей, кроме меня, и не удостоившихся своего продолжения во внуках.

Рав Пинхас Перлов, известный переводчик, проделал огромную работу. Если бы не его талант и бескорыстная преданность, эта книга никогда бы не появилась на свет на русском языке. Большая ему от меня благодарность!

Я очень признательна также р. Цви Патласу, главному редактору издательства «Пардес», с семьей которого мы с мужем дружим уже много лет, за ту любовь, которую он вложил в подготовку рукописи к печати.

И, наконец, последний из тех, кого я здесь благодарю, и самый любимый – мой муж, рав Авраам. Без его поддержки, советов и одобрения эта книга вообще бы не состоялась.

Я надеюсь, что наша книга, книга-память, книга-памятник, дойдет теперь и до сердец русскоязычных читателей.

Иерусалим,
тишрей, 5771 (2010) г.

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ КНИГИ
р. Ш.-З. ЗОНЕНФЕЛЬДА

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Когда семьдесят с лишним лет назад над еврейством России опустился «железный занавес», многие думали, что этой славной ветви мирового еврейства пришел конец. Казалось, что выкорчеван могучий ствол, уходивший глубоко в землю мощными корнями... Но когда в этой непроницаемой стене вдруг появилось окно, мы увидели, что еще не погас свет в жилищах сыновей Израиля и уголек еврейства еще тлеет в сердцах многих из них.

Одним из скромных уголков, в которых еще искрился этот свет, была квартира семьи Майзлик, расположенная в подвале на Ярославской улице в столице Украины Киеве. Посреди густого тумана безверия, за плотно завешенными окнами, текла своя, особенная жизнь, построенная на основах еврейской веры. Там, в этом подвале, нашла свое место томящаяся в изгнании со всем нашим народом Шхина – Божественное присутствие.

Среди всех рассказов о мужестве и самопожертвовании, проявленных евреями, оставшимися верными Творцу, особое место занимает эта книга – рассказ Батьи Барг, живая легенда, поэма о еврейском героизме.

Эта книга записана мной со слов Батьи. Я работал над ней с чувством трепета и благоговения перед подвигом родителей этой женщины – реба Йефуды-Лейба и Алты-Бейлы Майзлик, освящавших на протяжении всей своей жизни Имя Всевышнего именно в той стране, где оно было осквернено более, чем где бы то ни было на земле...

Благословенна память этих великих праведников!

Иерусалим,
менахем ав 5750 (1990) г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гл. 1 Мои родители.....	7
Гл. 2 В переломную эпоху	31
Гл. 3 Война и Катастрофа	47
Гл. 4 Возвращение в Киев.....	63
Гл. 5 Семь лет моих «субботних войн»	75
Гл. 6 Дом на Ярославской улице	85
Гл. 7 Миква под столом	105
Гл. 8 Отцовские наставления.....	111
Гл. 9 Преследования за веру	129
Гл. 10 СССР – огромная тюрьма	141
Гл. 11 Арест папы	153
Гл. 12 «Дело врачей» и чудо Пурима	159
Гл. 13 Завещание папы и его смерть	171
Гл. 14 Основание организации «Аль тидом»	181
Гл. 15 Встречи в подполье	191
Гл. 16 Ликвидация старого еврейского кладбища	203
Гл. 17 Труден путь к Святой земле	215
Гл. 18 На носилках – навстречу свободе.....	223
Гл. 19 На земле отцов	229
Гл. 20 Последние годы мамы	243
Гл. 21 Эпилог	249

Мои родители

Нашинь корни

На живописном берегу Припяти, в ста тридцати километрах от Киева, в Полесье¹, в Минской губернии (ныне – в Гомельской области Беларуси) находится город Мозырь (по-белорусски – Мазыр).

Транспортное сообщение между Мозырем и Киевом осуществляется главным образом по реке. И не только из-за удобств водного путешествия в сравнении с сухопутным; не в меньшей мере привлекают людей чарующие пейзажи, открывающиеся по берегам реки на протяжении пути. Вблизи города Чернобыль Припять впадает в крупнейшую реку Украины – Днепр; в месте их слияния открывается зрелище редкостной красоты. Воды Припяти – зеленые, а Днепра – голубые, и на определенном отрезке два потока текут рядом – две реки в едином русле, создавая восхитительную, захватывающую дух игру цветов...

В еврейском мире, быть может, о Мозыре слышали не так много, как, например, о Минске, Пинске, Воложине и других городах, однако в дореволюционные времена еврейская жизнь в нем была ключом, была там и йешива. Все расходы по ее содержанию несли двое состоятельных горожан: реб Рафаэль Горенштейн и реб Элиягу Бухман, жертвовавшие щедрой рукой на всякое святое дело. Будучи в то время административным центром Полесья, город Мозырь являлся духовным центром евреев всех окрестных городов и местечек. Имя раби Йерахмиэля дер Мозырера (Магида² из Мозыря) было знакомо евреям всей страны. Его высказывания и притчи передавались из уст в уста – в тот период, когда деятельность магидов играла важнейшую роль в духовной жизни нашего народа в изгнании. О себе он говорил: «Я – только шляпник, который шьет шляпы, и пусть каждый из вас примерит их и найдет для себя ту, которая подходит для его головы!»

¹ Полесье, точнее Полесская низменность – обширный историко-этнический и географический регион, ныне на территории четырех государств: Беларуси, Украины, Польши и России.

² *Магид* (букв. «возвещающий», «наставляющий») – толкователь Торы перед еврейской аудиторией.

Мой дедушка, реб Хаим-Даниэль Майзлик, принадлежал к числу известных и уважаемых граждан Мозыря; бабушка Бася родила ему десятерых детей. Отец, реб Йегуда-Лейб, родился в 1889 году и был младшим сыном в семье.

Годы юности

Папа, как и всякий еврейский ребенок в те времена, прошел обычный путь воспитания, готовящий к изучению Торы и исполнению заповедей. В детстве он учился в местной Талмуд-Торе³, а позднее, уже юношей, – в Слободке, в йешиве «Кнесет бейт-Ицхак», которую возглавлял большой знаток Торы р. Барух-Бер Лейбович. Эта йешива переехала после Первой мировой войны в Каменец, а в Слободке осталась и продолжила работу йешива «Кнесет Исраэль», названная в честь знаменитого мудреца р. Исраэля Салантера; главой ее был тогда р. Моше-Мордехай Эпштейн. В 1925 году часть ее учеников переехала в Эрец-Исраэль, в Хеврон; они жили там до погрома, учиненного арабами в этом городе в 1929 году. В течение короткого времени отец учился также в йешиве слонимских хасидов.

Он мало говорил о себе, но из того, что мне запомнилось из разговоров в доме и рассказов друзей его молодости, ясно, что он был хорошим учеником; его никогда не видели бездельничающим или занятым пустыми разговорами. Когда вышла в свет книга Хафец-Хаима «Шмират-га-лашон», что можно перевести приблизительно как «Следить за своей речью», отец купил ее и не выпускал из рук, пока не выучил наизусть. Повеление избегать злоязычия он исполнял с величайшей педантичностью; не могу припомнить ни одного случая, чтобы он говорил о людях что-либо плохое. Упомянув чье-то имя или говоря что-либо относящееся к тому или иному человеку, он всегда отмечал те его свойства, которым у него следовало бы поучиться.

Во время учебы в Слободке мой отец сдружился с талантливым юношей Йосефом Зусманом-Дильеном, у которого было прозви-

---

³ Талмуд-Тора – религиозная школа для еврейских мальчиков.

ще Га-Йерушалми («Иерусалимец»). Его отца, раби Ашера Зусмана-Дильена, называли раби Ашер Минскер. Он приехал из Иерусалима в Слободку еще до Первой мировой войны учиться в знаменитых литовских йешивах. Впоследствии упомянутый выше

р. М.-М. Эпштейн, глава йешивы «Кнесет Исраэль» в Слободке, избрал его в качестве жениха для своей дочери Леи. Когда в 1925 году р. Моше-Мордехай оставил Слободку и перебрался со своей йешивой в Хеврон, р. Йосеф был назначен на его место. Через несколько лет он по разным причинам оставил эту должность и стал раввином соседнего города Вилкомир.

Все это было, как видно, предопределено с небес – Тем, Кто, по словам пророка Йешаяѓу, «говорит в начале о том, что будет в конце». Дружба между моим отцом и Ѓа-Йерушалми привела к созданию в дальнейшем моего семейного гнезда: мой муж рав Авраѓам – сын сестры р. Йосефа.

Большой мудрец Торы р. Й 3. Дильён

Из всех зятьев р. М.-М. Эпштейна лишь на долю Ѓа-Йерушалми выпало остаться вне Страны Израиля. Вскоре после нападения нацистской Германии на СССР Литва была оккупирована немецкими войсками. Реб Йосеф и его жена Лея были убиты нацистами вместе с сыном и дочерью. Их выдали литовские погромщики, знавшие супругов как духовных руководителей местных евреев.

Это произошло за несколько дней до массового убийства евреев Ковно рядом с поселком Понары.

Мобилизация

Отец занимался с величайшей усидчивостью и старанием и делал большие успехи в учебе. Когда ему исполнилось девятнадцать лет, его постигла беда: он получил приказ явиться для мобилизации в царскую армию. Угроза призыва лишала покоя и сна очень многих еврейских родителей, сыновья которых достигали призывного возраста. Кроме духовного ущерба, наносимого перерывом в изучении Торы в самые благоприятные для этого годы юности, пребывание в армии обрекало евреев на невыносимые физические и душевные муки. Служба в русской армии, где свирепствовал необузданный антисемитизм, была для них тяжелым испытанием.

Сыновья богатых родителей, которые могли откупиться от службы, были в лучшем положении, но моему отцу нечего было и думать о чем-то подобном, поскольку дедушка, р. Хаим-Даниэль, с трудом кормил большую семью, тяжело работая всю жизнь.

Так же невозможно было папе избежать службы по состоянию здоровья – он был крепким парнем, ничем не болевшим.

Оставалась лишь одна возможность, одна слабая надежда. Перед тем, как идти на призывную комиссию, он побывал у одного хирурга, который сделал ему «массаж», чрезвычайно мучительный, в результате которого возникла полноценная грыжа, дававшая слабую надежду быть забракованным на врачебном осмотре.

К великому огорчению папы, хитрость с грыжей не помогла. Он был признан пригодным к военной службе – очевидно, его крепкое телосложение «перевесило» грыжу... Тем не менее, благодаря ей его направили в музыкальную команду, а не в боевую часть, и это, конечно же, было меньшим злом.

Так мой отец оказался оторванным от учебы – в самые лучшие его годы. Всю жизнь он сожалел о том, что был отлучен от йешивы – от того, к чему был так привязан в юности! Переход из йешивы, с ее атмосферой святости и духовной приподнятости, в казармы, где

все пропитано грубостью и бездуховностью, являлся для отца трагедией.

Он, конечно, был готов к любым испытаниям в эти предстоявшие ему три года и не сомневался в том, что выдержит их, но мысль о том, что ему придется оскверниться запрещенной едой, приводила его в ужас и лишала покоя. Ведь в русской армии еврейских солдат принуждали есть трефное – мясо животных, забитых не по еврейскому закону, – под тем предлогом, что воздержание от мяса ослабляет солдата физически и не позволяет ему исполнять свои обязанности. Надо сказать, что общепризнанный религиозный авторитет Хафец-Хаим в своей книге «Маханэ Исраэль» прямо предписывает еврейским солдатам есть трефное ввиду опасности для жизни, которую может создать воздержание; он только предупреждает, что не следует «обсасывать косточки», то есть получать от этого мяса удовольствие. Но отец, который всю жизнь остерегался нарушить даже в мелочах любую заповедь, независимо от степени сложности ее исполнения, и хранил себя в чистоте, – мог ли он положить в рот трефное?!

И еще его мучили угрызения совести: может быть, он не все сделал для того, чтобы избежать призыва? Но изменить что-либо было уже невозможно. Отец молился днем и ночью и ждал чуда...

В первые недели военной муштры он еще как-то держался, выменивая у одного русского солдата свою порцию мяса на картофель. Но это не всегда удавалось, и здоровье его подкосилось. У него развилась бессонница из-за сильного страха, как бы его не разоблачили и не заставили силой есть запрещенную пищу...

Батальонный врач

Однажды ему было приказано явиться на обследование к батальонному врачу, полковнику. Он забеспокоился, поскольку понял и причину этого вызова, и его последствия: ему назначат «оздоровительную диету» с двойной порцией свинины на несколько недель...

Войдя в кабинет, он увидел перед собой офицера со строгим выражением лица, который обратился к нему по-военному сухо и кратко:

– Лейба Майзлик, в чем причина, что ты такой бледный и болезненный? Ведь армия старается обеспечить своим солдатам самый лучший и здоровый рацион! Что мешает тебе и чего недостает?

Отец стал по стойке «смирно» и взял под козырек, а потом сказал:

– То, что мешает мне, – это не то, чего мне недостает, а то, что у меня есть! Я – еврей, и в мой рот еще не входило что-либо запрещенное! И если меня будут силой заставлять есть некашерное мясо, оно сразу же будет извергнуто, потому что моя еврейская душа не в состоянии питаться тем, что запрещает нам наша Тора!

Сказав это, папа разрыдался.

– Впервые вижу солдата славной армии русского царя плачущим, – процедил сквозь зубы полковник.

Он подошел к двери и запер ее на ключ, а потом обратился к отцу и сказал:

– Лейба! Таких смелых евреев я люблю и ценю. Ведь я и сам еврей! Мое имя – Давид Суркин. Я горжусь тобой и постараюсь, чтобы ты получил оздоровительную диету – такую, какая укрепит не только твоё тело, но и твою еврейскую душу!

С того дня папа постоянно носил с собой в кармане справку, подписанную батальонным врачом, где было написано, что из-за болезни кишечника мясо ему запрещено и он имеет право получить вместо него двойную порцию овощей.

Была особая помощь с Небес в том, что именно этот врач был прикомандирован к батальону моего отца в течение всего срока его армейской службы, и отец оказывал бесчисленные услуги другим солдатам-евреям этого батальона благодаря своим дружеским связям с тем полковником. Отец сохранял с ним эти связи и после службы; в каждый праздник Пурим⁴ мне поручали отнести ему традиционные подарки – мишлоах манот⁵, а всякий раз накануне Песаха⁶ – в строжайшей тайне – три листочка мацы.

---

⁴ Пурим – праздник в память о чудесном избавлении евреев Персии от уничтожения.

⁵ *Мишлоах манот* (букв. «рассылка яств») – выпечка, сладости и вино, которые посылают в Пурим родным и знакомым.

⁶ Песах – праздник в память об исходе евреев из Египта.

*“Пусть хотя бы имя мое войдет в страну
Израиля!”*

После революции полковник Давид Суркин был произведен в генералы и занимал важные должности в медицинском корпусе Красной Армии; перед уходом на пенсию он был начальником медицинской службы Киевского военного округа.

Через много-много лет, перед отъездом в Израиль, я пошла навестить его и попрощаться. Я сказала ему:

– Мы едем туда, где все полковники и генералы – евреи. И тот, кто желает есть кашерное мясо, не нуждается там в справке от врача.

Увидев, что старый генерал растроган, я добавила:

– В стране, в которую я еду, – самые смелые, самые лучшие солдаты, какие только есть во всех армиях мира. И во всей этой армии, во всех ее родах войск, не найти ни крошки квасного во все дни праздника. Представляете – за неделю до Песаха приходят раввины и обрабатывают кипящей водой все кастрюли, чтобы они были кашерными для Песаха, как это делал ваш дедушка!

В его глазах заблестели слезы. Он сказал:

– Я завидую тебе, что ты едешь в эту чудесную страну, где ты сможешь свободно и без всякого страха общаться на языке Священного Писания...

Закончив говорить эти слова на идиш, звучавшем в его устах сочно и выразительно, он ненадолго задумался и сказал:

– Я хотел бы послать какую-нибудь вещь в память о себе – чтобы ты взяла ее с собой в Страну Израиля...

Генерал поднялся и, подойдя к великолепному буфету красного дерева во всю стену, снял с полки хрустальную вазу – настоящее произведение искусства, которую он получил в подарок на прощальном вечере, устроенном в его честь Генеральным штабом Советской Армии; на ней было выгравировано: «Генералу Давиду Петровичу Суркину в знак признательности за его героическую службу советскому народу».

Протягивая мне эту вазу, он взволнованно сказал:

Военный врач Давид Суркин

– Я, как видно, уже не удостоюсь ступить на еврейскую землю...
Пусть хотя бы имя мое удостоится этого!

Мойшеле, сын раввина

Итак, отец был направлен в музыкальную команду батальона, где он должен был играть на барабане. Преодолевая многочисленные трудности, папа старался соблюдать предписывающие заповеди Торы и воздерживаться от нарушения ее запретов. Не носить по субботам барабан, как того требует Галаха, еврейское законодательство, он, естественно, не мог, ибо сама она предписывает не считать это нарушением, если того требует государственная служба. Один из постулатов иудаизма гласит: «Закон государства – закон». Но, скажем, носовой платок, который также нельзя переносить в кармане по субботам из одного места в другое, он обматы-

вал вокруг шеи, так что этот платок становился как бы частью одежды, а потому пользоваться им было разрешено.

За годы службы на долю папы выпало немало испытаний, но он не хотел мне ничего рассказывать, вопреки всем моим просьбам, – из опасения, чтобы в словах его не проскользнули, даже в малейшей мере, самодовольство и гордость. И все же мне удалось «выжать» из него кое-что – в виде награды за совершенные мной хорошие поступки.

Вот один из его запомнившихся мне рассказов.

– В период учений наш батальон расположился возле местечка Старобин Минской губернии. Я и мой товарищ, который тоже учился в йешиве до призыва в армию, проводили наши отпуска в местечковой синагоге, изучая вместе Гемару⁷ с тем же рвением, как в старые добрые времена в йешиве. В этой синагоге сидел в углу со стороны арон га-кодеш⁸ симпатичный паренек лет тринадцати; он неустанно и безостановочно учился. Чтобы мальчик не терял время, старшая сестра приносила ему еду; он обедал в отделении для женщин, пустом в эти часы, и сразу же возвращался к учебе. Увидев нас впервые, девушка была очень удивлена и растрогана зрелищем двух солдат в военной форме, занятых талмудическим спором. Из любопытства она задержалась немного в укромном углу синагоги, чтобы послушать, как мы учимся. Вернувшись домой, она рассказала о редкостном зрелище, которое ей довелось увидеть в синагоге, своему отцу. Вскоре он тоже пришел в синагогу и стал обстоятельно обсуждать с нами то, что мы учили. На какое-то время мы вновь окунулись в атмосферу йешивы. Наш новый знакомый оказался известным знатоком Торы раби Давидом Файнштейном, раввином Старобина. Его сын был известен в местечке как «Мойшеле дэм ровс», то есть «Мойшеле, сын раввина». Сестра Мойшеле Хана впоследствии вышла замуж за р. Ицхака Смоля, ставшего одним из известнейших раввинов Чикаго. А Мойшеле прославился в еврейском мире как раби Моше Файнштейн, выдающийся гаалахический авторитет нашего поколения.

---

⁷ Гемара – часть Талмуда, свод дискуссий, анализирующих текст Мишны, включающий постановления мудрецов и уточнения Закона.

⁸ Арон га-кодеш – шкаф, в котором хранятся свитки Торы.

За пасхальным столом раби Мотеле Слонимера

На первый Песах в период службы в армии отцу не удалось получить отпуск. После того, как он заявил своему командиру, что не притронется ни к какой еде из армейской кухни во все дни праздника, он получил разрешение питаться тем, что будет получать от евреев, живущих в окрестностях военного лагеря, которые заботились о кашерной еде для еврейских солдат. В ночь пасхального седера⁹ он с двумя другими солдатами-евреями был гостем раби Мотеле Слонимера – того самого, который снабжал их кашерной едой.

Об этом седере папа рассказывал так.

– Это был мой первый пасхальный седер, проведенный вне дома, седер, на котором я был гостем. Еще за несколько недель до того я начал с горечью думать о том, что мне придется провести праздник среди чужих людей, вдали от своей семьи. Теперь-то я могу сказать, что был полностью вознагражден за все переживания. Пребывание в эту ночь за одним столом с раби Мотеле стало для меня ярким и незабываемым событием. Не буду рассказывать во всех деталях об убранстве его стола и не стану слишком долго описывать озаренное высшим светом лицо этого праведника – именно такими я представлял себе евреев, вышедших из Египта. Раби Мотеле сидел во главе стола, вокруг – члены семьи, дети и внуки. С воодушевлением читая Агаду¹⁰, он вселял в сердца всех сидевших за столом ощущение святости происходящего. Самым волнующим, оставившим у меня неизгладимое впечатление, стало то, что особое внимание раби уделял нам, трем солдатам-евреям. Даже внуки, которые обычно бывают в центре внимания в ночь седера, поскольку в отношении их нужно исполнять заповедь «И

⁹ *Седер* (букв. «порядок») – особая праздничная семейная трапеза в ночь Песаха.

¹⁰ Пасхальная *Агада* – сборник молитв, благословений и толкований Торы, прямо или косвенно связанных с темой исхода из Египта и праздником Песах.

расскажи сыну своему», были «отодвинуты» в ту ночь ради нас. По окончании седера, ближе к утренней заре, раби Мотеле сердечно распрощался с нами и сказал: «Вы – драгоценная молодежь Израиля, над которой все еще тяготеет ярмо порабощения; лучшие дни и годы жизни отняты у вас на то, чтобы служить чуждой и жестокой власти. Я желаю вам, чтобы так же, как народ Израиля удостоился когда-то выйти из египетского рабства на свободу, и вы удостоились бы в скором времени обрести ее и вернуться в свои дома, к своим семьям, живыми и здоровыми! Я обещаю вам, что если вы выстоите в испытаниях, сопровождающих вашу армейскую жизнь, то удостоитесь вернуться домой раньше срока». Когда меня демобилизовали на полгода раньше, чем было положено, я не был удивлен...

Окончание военной службы

Служба отца продолжалась два с половиной года. На все мои просьбы рассказать что-нибудь об этом периоде его жизни он отвечал в характерной для него манере:

– О чем тут рассказывать и чем хвастаться? Точно так же, как человека не награждают за то, что он не воровал и не грабил, – и у того, кто сумел уберечь в трудных условиях свою душу, нет никакой причины для гордости. Ведь вся наша жизнь – это череда испытаний.

Но было нечто, о чем он говорил с чувством большого удовлетворения. За все время службы, в обстановке, порождавшей у многих соблазн отказаться от выполнения заповедей, он постоянно остерегался, чтобы не оступиться и не согрешить даже в мелочах. Мало сказать, что он закончил службу таким же чистым душой, каким был в день, когда начал ее, – он вернулся домой еще более крепким и сильным духовно, что помогало ему в дальнейшем преодолевать испытания в течение всей жизни.

Главное – воспитание детей

Демобилизовавшись в возрасте двадцати двух лет, отец стал думать о создании семьи.

Способный молодой человек, знаток Торы, уже освободившийся от военной службы, пользовался особым уважением, и предложения сыпались со всех сторон.

Вот одна из историй того периода. Ему предложили познакомиться с одной очень хорошей девушкой из Минска. Он поехал туда, встретился с ней; она ему очень понравилась. Будучи уже достаточно взрослым человеком, прошедшим жизненные испытания, он, не теряя времени, стал говорить с ней на важные и актуальные темы – такие, на которые серьезный и богобоязненный молодой человек и должен говорить с будущей спутницей его жизни.

Папа остановился в Минске у своего дяди. На следующее утро к нему пришел шадхан¹¹ и сказал, что он понравился той девушке, но есть проблема с приданым, которое обещали ее родители. Вначале они говорили о сумме в восемьсот рублей, но теперь оказывается, что по разным причинам они не могут обещать столько. Шадхан понял это таким образом, что данное предложение надо отклонить.

Отец очень рассердился на него – зачем он принял такое решение сам, не посоветовавшись? Для него приданое не было основным условием успеха дела. Главное, что та девушка понравилась ему и соответствовала его запросам!

В полдень этот шадхан пришел с новым известием. По его словам, то, что он говорил утром, не совсем верно: дело не в приданом, а в другом важном моменте, который был затронут в ходе встречи и относительно которого у них тогда обнаружилось несогласие. Речь шла об отношении девушки к проблеме воспитания детей. Отец был твердо уверен, что нельзя посылать их в школу, где учатся по субботам, и об этом нужно твердо договориться уже теперь; она же настаивала на том, что сейчас это не актуально и еще есть время подумать. Он, однако, стоял на своем и хотел ус-

---

¹¹ Шадхан – сват.

лышать от нее приемлемый для себя ответ. В то время уже вовсю свирепствовала Гаскала («Просвещение») – движение, сторонники которого ставили целью отход от еврейского образа жизни. Тысячи еврейских парней и девушек сходили с путей Торы и отвергали наследие отцов, и потому мой отец видел в отношении к воспитанию детей главное, что будет решать судьбу семьи, которую он создаст. Его непоколебимая твердость в этом вопросе отпугнула девушку, которая уже запуталась в сетях Гаскалы, раскинутых по просторам Российского государства. Шадхан сказал, что если отец будет готов уступить и не станет обсуждать на данном этапе эту острую тему, можно будет устроить еще одну встречу, а договоренность о приданом остается в силе.

Отец ответил, что именно в вопросе о приданом он готов на уступки, поскольку девушка ему нравится. Однако в главном – в воспитании детей – он не согласен ни на какие компромиссы, и если она не готова поддержать его в этом уже сейчас, он более в ней не заинтересован.

Забегая вперед, скажу, что приданое, обещанное отцу, когда он сватался к моей маме, составляло всего-навсего сто рублей, причем и их он так никогда и не получил.

Реб Яков – мой дядя и также дедушка

Жизнь богата самыми разнообразными курьезами. Бывает, что человек, преследуя определенную цель, пускается в дальний путь, в то время как то, что он ищет, находится от него в двух шагах.

О чем здесь идет речь?

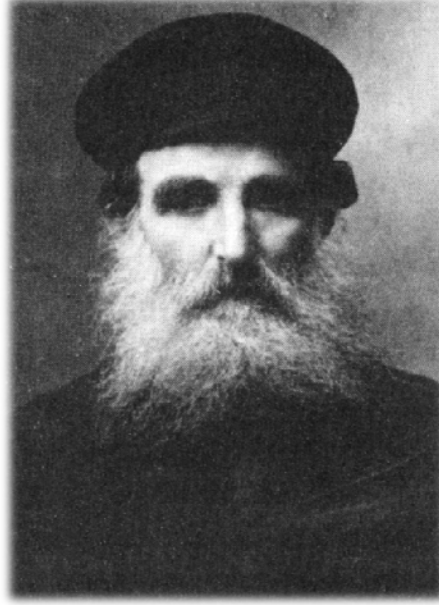
Моему папе совершенно незачем было ехать в Минск или в Пинск, ища свою суженую, поскольку в точности такая, какую он искал, девушка жила в тесной, густонаселенной квартире его старшего брата, реб Якова.

У этого брата было четырнадцать детей – пять сыновей и девять дочерей, – и одна из них, выйдя замуж за своего дядю, стала моей мамой.

Реб Яков жил в Киеве, в подвальной квартире, в которой теснились шестнадцать человек. Он с трудом содержал семью, торгуя всякой всячиной, но был человеком сильного духа и воспитывал детей в строгом соблюдении заповедей Торы. В более поздние времена, когда коммунистическая власть закрыла все миквы¹², без которых невозможна нормальная еврейская семейная жизнь, ему удалось соорудить в своем подвале кашерную микву.

Дедушка по маме – реб Яков

Дедушка по папе – реб Хаим Даниэль

Реб Яков принадлежал к той славной плеяде гордых и сильных евреев, которые во все эпохи не сдавались и не гибли перед враждебным миром, всячески сопротивляясь ему и продолжая жить в соответствии со своей верой.

Я слышала от мамы множество рассказов об этом необычайно ярком человеке. Вот один из них.

Это случилось с ним в Киеве, еще при жизни его отца, до большевистской революции. Он шел по Ярославской улице, погру-

¹² Миква – бассейн для ритуального омовения.

женный в печальные размышления: приближается зима, а обувь у детей рваная и ветхая, а новую купить не на что, – и вдруг увидел на тротуаре кошелек, истертый и потрепанный, явно потерянный человеком небольшого достатка. Подняв кошелек, он обнаружил в нем крупную сумму денег. На мгновение промелькнула мысль: «Я спасен! Всевышний увидел мою бедность и позаботился о том, чтобы я смог обуть детей и закупить дров на наступающую тяжелую зиму!»

Было совершенно очевидно, что этот кошелек – такого рода потеря, которую по законам Торы нашедший, без всякого сомнения, может забрать себе. Киев – город, в котором огромное большинство населения – неевреи, и по букве еврейского закона нет обязанности объявлять о найденной вещи. Да и как объявить о находке в таком огромном городе? Но такой еврей, как мой дед Яков, у которого честность – в самой основе его натуры, не станет искать повод разрешить себе присвоить найденную вещь, как бы он сам в ней ни нуждался, – он обязательно попытается вернуть ее потерявшему.

Реб Яков принялся ходить по улице туда-сюда, вглядываясь в прохожих: быть может, кто-то ищет свою пропажу?

И вот он видит: идет еврей и плачет, как ребенок, не может успокоиться. Подходит к нему дедушка и спрашивает:

– Что с тобой случилось, реб ид, отчего ты плачешь?

Тот ответил ему сквозь слезы:

– У меня большое горе! Я всю жизнь собирал копейку к копейке, чтобы выдать замуж единственную дочь. Сегодня я взял все эти деньги и пошел передать их в качестве приданого жениху, как обещал ему, и назначить дату свадьбы в ближайшее время. Всю дорогу я держал руку в кармане, в котором был кошелек с деньгами. И вдруг – поскользнулся, упал и чуть не разбился. С трудом встал... Все тело болит, ноги подгибаются; от боли забыл о кошельке с деньгами. И только когда собрался уже войти в дом отца жениха – хватился, что кошелек нет! Какое несчастье! Теперь все пропало!

– А как выглядел тот кошелек, не было ли у него каких-нибудь примет? – спросил реб Яков.

– Зачем ты сыплешь мне соль на раны! – рассердился тот еврей. – Его наверняка поднял какой-нибудь прохожий и уже пропивает мои кровные денежки, а сам кошелек, конечно же, выбросил – такой он старый...

– И какая же сумма была в том кошельке? – не отставал от него дедушка.

– Семьсот рублей, сэкономленные мною за двадцать лет для моей Фейгеле...

Реб Яков достал из кармана кошелек и протянул его тому человеку. Бедняга аж в обморок упал от радости. Придя в себя, он достал пятидесятирублевую купюру и протянул ее дедушке. А тот улыбнулся и сказал:

– Такую мицву¹³ ты хочешь выкупить у меня за пятьдесят рублей? Я ее и за миллион не продам!

Бейла-праведница

Старшую дочь реб Якова звали Лиза (Лифша); вслед за ней бабушка Маия родила двух девочек-близняшек, Бейлу и Дину. Еще с малых лет Бейла, моя мама, выделялась как девочка необыкновенно умная и подвижная. В семье ее звали «ди клейне цадекес» – «маленькая праведница» – потому, что сразу, едва научившись лепетать несколько слов, она остерегалась взять что-нибудь в рот без благословения. Однажды, услышав, как кто-то сказал: «Вот идет ди клейне цадекес», – она бурно отреагировала: «Какой грех я совершила? Почему он говорит обо мне, что я только маленькая праведница, а не большая?»

Когда ей исполнилось девять лет, она была принята ученицей к портнихе. Поначалу ей поручали обметывать петли и выполнять прочие второстепенные работы. Нужно заметить, что в те времена хозяева всемерно старались растянуть сроки пребывания учеников в подмастерьях, так как им жаль было терять дешевую рабочую силу. К примеру, ученик сапожника должен был ждать годы, пока ему позволят взять в руки молоток, и он занимался подбором

---

¹³ *Мицва* – заповедь.

гвоздей и прочим в этом роде. Однако мама не ждала, пока портниха начнет обучать ее, и сама быстро усваивала тайны профессии швеи.

Мама в возрасте 17 лет (стоит)
Ее сестра Браха (сидит и держит газету)

Перед самым началом маминой работы в мастерской ей купили новые туфли. Но она надевала их только перед тем, как войти туда. До этого на протяжении всего трехкилометрового пути она шла босиком, неся туфли в руках, чтобы отцу не пришлось вскоре покупать новые, и только дойдя до мастерской заходила в какой-то двор, где был кран с водой, – помыть ноги перед тем, как обуться.

Со своей первой зарплаты она купила себе маленький сидур¹⁴ – и была ему так рада! Реб Яаков настоял на том, чтобы часть своей зарплаты мама тратила на свои нужды. Но вместо того, чтобы купить на эти деньги новую одежду, девочка наняла учительницу, которая давала ей уроки по основам иудаизма.

Дед с трудом кормил большую семью, и, хотя он хотел дать дочерям какие-то общие основы знаний, его доходов не хватало на то, чтобы нанимать им учительницу. С другой стороны, он не хотел посылать их в общественную городскую школу, поскольку лишь немногие выходили оттуда, продолжая соблюдать традиции отцов.

¹⁴ Сидур – молитвенник.

Позднее, в возрасте шестнадцати лет, приобретя определенные навыки в своей профессии, мама сама открыла швейную мастерскую, в которой было несколько работниц и учениц.

“Лейба, зачем ты ищешь птицу в небе?”

В тот период мой отец, как упоминалось, был буквально завален предложениями партий для женитьбы от самых уважаемых семейств – тогда как судьба уже предопределила ему девушку, полностью отвечавшую его представлениям об идеальной спутнице жизни.

Однажды на свадьбе, где собралась вся родня, в том числе многодетное семейство реб Якова, отец впервые подумал о том, что его племянница, скромница по имени Бейла, самая достойная из дочерей его брата, могла бы стать ему хорошей женой. Однако никаких шагов в этом направлении он не предпринимал. Но однажды его старшая сестра Эстер-Ита сказала ему:

– Лейба, зачем ты ищешь птицу в небе и подбираешь себе невесту в дальних краях, добираясь до самого Минска, когда среди дочерей твоего брата есть такой бриллиант, как Бейла, наделенная всеми достоинствами дочери Израиля?

Молчание брата было для моей умной тетушки очевидным знаком того, что ее слова услышаны.

Убедившись таким образом, что «есть о чем говорить», она, не теряя времени, организовала его встречу с Бейлой – уже в тот самый вечер.

Молодые отнеслись к делу со всей серьезностью. Несмотря на очевидную душевную близость и сходство во взглядах, обнаружившиеся между ними, они вели долгие беседы и обменивались мнениями по всем вопросам. Каждый рассказал, как он представляет себе основу, на которой им предстоит строить совместную жизнь. После нескольких встреч они пришли к выводу, что их объединяет гораздо больше, чем разделяет, и пора им приступить к строительству их нового дома.

В итоге было решено организовать эрусин¹⁵ на исходе субботы, в которую читали в Торе отрывок «Захор», незадолго до праздника Пурим 1912 года.

Исчезновение жениха

Поскольку с тех пор, как разрушен наш Храм, к каждому радостному событию еврейской жизни примешиваются печаль и траур, здесь также случилась осечка – в самый последний момент.

Жених, который должен был прибыть в пятницу из Мозыря в Киев, задерживался. Стрелки часов движутся, вот-вот суббота – а его нет! В те дни в домах еще не было телефонов, и оставалось только гадать, что произошло.

Родители отца, дедушка реб Хаим-Даниэль и бабушка Малия, прибыли в четверг. Тетя Эстер-Ита явилась в дом реб Яакова еще в воскресенье и всю занималась выпечкой и готовкой навстречу радостному событию. Все настроились провести субботу, предшествовавшую эрусин, в радостной семейной атмосфере – и вот тебе на, жених пропал! Единственным, кто пытался приободрить остальных, оказался дедушка реб Хаим-Даниэль, который сказал:

– Мы видим явный знак, что эта партия – с небес, раз уж сам владыка сил зла ставит такие перед ней препятствия! Но все, с Божьей помощью, благополучно устроится. Так давайте же примем царицу-субботу с радостью и весельем!

Когда тетя Эстер-Ита увидела, что невеста печальна и озабочена, она предложила ей выйти после утренней молитвы прогуляться по набережной вдоль Днепра, неподалеку от их дома.

– Голубые спокойные воды – это особое, проверенное средство для улучшения настроения, – сказала она.

И поскольку тетя имела познания в Торе и давала уроки по книге «Цэна у-рэна»¹⁶ окрестным женщинам, она добавила «ученую» причину к обоснованию необходимости той прогулки:

¹⁵ Эрусин – помолвка.

¹⁶ «Цэна у-рэна» – популярный среди еврейских женщин сборник, основу которого составляет переложение на идиш историй из Пятикнижия.

– Разве не видим мы в истории нашего народа, что праотцы встречали своих суженых у воды? Так было с Ицхаком и Яковом, и с нашим учителем Моше.

– Тетя, – отвечала ей Бейла, – если бы это был ваш жених, который задерживается и не приходит, я тоже смеялась бы, как вы.

Но тетя взяла ее под руку и направилась с ней в сторону набережной вместе с сестрами Бейлы – Диной и Лизой – улучшать настроение невесты.

Они шагали вчетвером, взявшись за руки, вдоль Днепра, вглядываясь в его голубые спокойные воды и разглядывая суда, оставляющие за собой белый пенный след. Простого и грубого вида мужики, выплясывавшие на их палубах, привлекали внимание тети, Дины и Лизы, – но Бейла... Ее взгляд был обращен на что-то более далекое, чем речные суда.

– Скажи мне, тетя, не видишь ли ты там вдали, на причале, молодого человека? – обратилась Бейла к тете. – Уж не Лейба ли это?

– «Человек не видит ничего, кроме того, чем занято его сердце!» – так я читала в книгах. Благодаря своему воображению человек может увидеть во всяком встречном того, которого жаждет увидеть! – засмеялась Эстер-Ита, но все же приложила козырьком руку к глазам и вгляделась.

– Чтобы мне так видеть здоровье и счастье – это же действительно Лейба!

Все четверо поспешно направились к причалу – и обнаружили там, к их удивлению и радости, жениха собственной персоной! Он сидел на чемодане, углубившись в книгу, и не заметил их, пока они не подошли к нему вплотную.

– Лейба, что с тобой? – закричала ему Эстер-Ита. – Ты что, раздумал жениться на Бейле? Так имей в виду: она в девицах не засидится!

Встреча с пропавшим женихом была очень волнующей, и Бейла, обычно такая сдержанная, не могла скрыть слез радости.

Оказалось, что на его судне сломался мотор. Прибыв в Киев с опозданием, уже после наступления субботы, он попросил одного нееврея перенести его чемодан на причал, но, поскольку по суб-

ботным законам в этот день нельзя переносить вещи, был вынужден оставаться с этим чемоданом на причале, чтобы сторожить его всю субботу. Как рассказал потом отец, он послал какого-то мальчишку передать семье, что застрял на причале и не может прийти, – но тот подвел его и не исполнил поручение.

Дина осталась сторожить чемодан, а остальные вернулись домой, – и трудно описать радость, охватившую всех при появлении пропавшего жениха на пороге дома!

– Та субботняя трапеза была самой веселой из всех, какие я помню в своей жизни, – говорила моя мама.

Мама – после эрусин

Брак, заключенный на небесах

В летнем месяце тамуз того же 1912 года, через шесть месяцев после эрусин, в Киеве состоялась свадьба моих родителей, и еще очень долго после нее в семье говорили: тот, кто не был на свадьбе Лейбы и Бейлы, в жизни своей не видал настоящей свадьбы.

Поженившись, молодые перебрались в Мозырь. Отец удачно вел дела, посвящая при этом много времени изучению Торы и помощи другим людям.

Мечта молодой женщины, только что обзаведшейся собственным домом, – украшать и обустроить его с умом и вкусом, на удивление подруг и знакомых; но у моей мамы были совершенно другие планы. Она увидела в его создании возможность осуществить свою постоянную мечту: свить семейное гнездо, в котором она сможет заниматься тем, к чему стремилась ее душа, – добрыми делами.

На деньги, полученные в качестве свадебных подарков, она купила лекарств от наиболее распространенных болезней и другие медикаменты. Прошло совсем немного дней, и дом ее превратился в лечебницу, оказывающую первую помощь при простых заболеваниях и травмах. У мамы были общие познания в медицине, и она избавляла многие семьи от необходимости обращаться к врачу. Ее лечебница, которую называли «клиникой Бейлы», получила известность в Мозыре и окрестностях; многие получали в ней помощь постоянно.

Супружество моих родителей было счастливым; в их семейной жизни царили гармония и взаимопонимание. Но, увы, недолго продлились дни спокойствия и безмятежности, и после двух лет счастья свалились на них, как и на всех, бедствия Первой мировой войны и последовавших за ней кровавых революционных событий.

В переломную эпоху

Революция и гражданская война

1 августа 1914 года Германия объявила войну России; началась Первая мировая война, в которую были втянуты почти все страны Европы, а со временем – и США.

Тяготы военного времени вызвали в России резкий рост настроений, направленных против царского режима. По всем городам начались брожение и массовые беспорядки. Прогнившая и продажная царская власть создала благодатную почву для роста многочисленных оппозиционных, революционных и подпольных организаций и партий.

В феврале 1917 года в России произошла революция; последний русский царь, Николай Второй, отрекся от престола. А осенью того же года власть захватили большевики во главе с Лениным и Троцким; так пришел конец династии Романовых и вообще царской власти, существовавшей в России многие столетия.

Вслед за этим разразилась кровопролитная гражданская война между «красными» и «белыми»; картину дополняли воевавшие со всеми и грабившие население бандиты, составлявшие иногда целые армии. И, как повсюду, где оказываются разрушенными основы закона и власти, главными жертвами кровавой вакханалии становились евреи. В ходе этой страшной войны города множество раз переходили из рук в руки; от закона и порядка не осталось и следа, и обе воюющие стороны вымещали свою злобу на беззащитном еврейском населении.

Большевики исповедовали коммунистическое учение, созданное крещеным евреем Карлом Марксом, ненавидевшим свой народ и веру своих отцов. Для евреев оно означало отказ от своей истории и своего духовного наследия взамен на обещание покончить с антисемитизмом, и это обещание привлекало симпатии многих из них. Немало евреев было на руководящих постах в партийном аппарате и в Красной Армии; при всем этом простым людям часто крепко доставалось в ходе войны и от «красных»...

Но больше всего бедствий принесли евреям «белые» и казаки, чей боевой клич, раздувавший пламя антисемитизма на Украине и в России, был «бей жидов!». Повсеместно лилась еврейская кровь, людей выгоняли из их домов, отбирали имущество...

Погромы в Мозыре и чудесное спасение

Еврейские погромы начались в стране еще до революции и Гражданской войны.

Мозырь, в котором жили мои родители, тоже не избежал их; населявшим его евреям, как и во многих других городах, пришлось испытать свою чашу страданий. Родители были вынуждены бежать из Мозыря, но через год изнурительных скитаний вернулись домой.

Летним днем 1916 года в город ворвались казачьи отряды, входившие в состав царских войск, и начался страшный погром.

Когда погромщики появились на улице, на которой жили мои родители, среди евреев началась паника. Отец спрятался на чердаке под грудой дров и старых вещей, а мама спрятаться не успела. В дом ворвался разгоряченный казак; смерть сверкала у него в глазах. Он увидел маму, пытавшуюся спрятаться за шкафом, и набросился на нее. Мама, несмотря на весь свой страх, набралась мужества и сказала ему:

– Знай, что у всех народов, верящих в Бога, величайший грех – причинять зло беззащитной женщине! Если ты что-нибудь сделаешь мне, этот страшный грех будет преследовать тебя всю жизнь! Всевышний отомстит тебе за меня! Но если ты не причинишь мне зла, я обещаю тебе: все опасности войны обойдут тебя стороной, и ты вернешься целый и невредимый, с чистой совестью, к своей жене и детям!

И тут случилось невероятное: этот бешеный казак вдруг перекрестился, опустил на колени и сказал:

– Мамаша! Если ты обещаешь мне, что я еще увижу своих детей, я не только не трону тебя, но и буду охранять, чтобы и никто другой тебя не обидел!

Мама угостила его водкой, и он встал у входной двери, следя за тем, чтобы никто не вошел в дом, и стоял там до тех пор, пока погромщики не разошлись.

Из этой сцены видно, что мама прекрасно говорила по-русски, – для еврейки, выросшей в религиозной семье, знание русского языка было в те времена большой редкостью. Еще девочкой она на-

няла на заработанные ею деньги учительницу, которая научила ее читать и писать – и на идиш, и по-русски, – а также преподавала ей арифметику. В дальнейшем мама приобрела привычку читать всякую бумажку, на которой было что-то напечатано, листочки от календаря и прочее, и часто говорила мне:

– Никогда не сиди без дела! Нечего делать – читай что-нибудь.

В своей «клинике», о которой рассказывалось выше, мама лечила и неевреев. Она свободно общалась с ними и читала все, что могла найти, о болезнях и методах лечения.

В той истории с казаком мама спаслась от гибели, но последствия случившегося были трагическими. Она тогда была беременна – впервые после четырех лет замужества, – и происшедшее так подействовало на нее, что у нее произошел выкидыш.

Однажды, когда отца не было в Мозыре – он был на противоположном берегу Припяти, – в город ворвалась другая банда, прославившаяся своей жестокостью по отношению к евреям. Мама, опасаясь, что муж не знает о происходящем и может вернуться, решила пробраться к нему, чтобы предупредить. Дело было зимой, река была скована льдом, и мама попыталась перейти ее по льду – мост был в руках бандитов. Неподалеку от берега лед под ней проломился, и она начала тонуть. Какие-то люди, увидев это, бросились ее спасать и с большим трудом вытащили из воды. Лишь чудом она осталась в живых.

После этого происшествия родители вновь оставили Мозырь и скитались из города в город, лишённые всего, пытаясь спастись от банд, сеявших смерть всюду, куда ступала их нога.

“Ваше благословение было мне защитой!”

После двух лет скитаний, в конце 1917 года, мои родители окончательно поселились в Киеве.

После того, как они прожили там год, к ним в дверь кто-то постучал. Мама открыла дверь и сразу же узнала стоявшего на пороге – это был тот самый казак, который ее пощадил. Он искал маму в их прежнем доме в Мозыре и, не найдя, не успокоился, пока путем расспросов не обнаружил их на новом месте.

Для мамы эта встреча была совершенно неожиданной и очень волнующей; она усадила гостя за стол. Успокоившись и придя в хорошее расположение духа после нескольких рюмок водки, тот стал рассказывать обо всем, что произошло с ним после того происшествия в Мозыре.

– Мамаша! – начал он взволнованно. – Я остался в живых только благодаря вашему благословию! Вот уже больше года, как я ищу вас, чтобы поблагодарить за то, что вы даровали мне жизнь! Я видел смерть перед собой тысячи раз; вокруг меня люди падали, как мухи, – а я вышел из всех страшных боев без единой царапины! Ваше благословение было мне защитой! Благословите меня и на то, чтобы и в мирные дни у меня была удача – пропитание и достаток...

Растроганная мама благословила его, и он ушел.

В коммуне

После того, как утихли бои между «красными» и «белыми» и большевики овладели всей страной, они занялись реорганизацией жизни в ней на идеологических основах марксизма.

Начинания их, как правило, были плодом фантазий, полностью оторванных от реальности. Одним из первых шагов была организация коллективных хозяйств на селе (предшественников печально известных колхозов). Наиболее полно коммунистическим идеалам в их первоизданной чистоте отвечали так называемые сельскохозяйственные коммуны, в которых была самая большая степень обобществления имущества, вплоть до личных вещей. Индивидуум сам по себе превращался там в общественную собственность; весь его труд и способности принадлежали коллективу. Все, что он производил и зарабатывал, поступало в общий котел, и он должен был жить на выдаваемый ему наравне с другими паек.

При этом уравниловка существовала только для «низов». Для руководящих работников советская власть с самого начала, в полном противоречии с собственными декларациями, установила сложную многоуровневую систему льгот, включавшую закрытые распределители и государственные дачи, особые жилые районы, отдельную систему здравоохранения и многое другое.

Папа и мама как молодая пара в расцвете сил были записаны в одну из сельскохозяйственных коммун. Они были обязаны начать

свою жизнь заново – отдавать все, на что они способны, стране и системе.

Нетрудно представить себе, что чувствовали мои родители в коммуне. Для них началась новая эпоха – время непрерывной тяжелой борьбы маленьких людей, беспомощных и беззащитных, с громадной государственной машиной, безжалостно насаждавшей безбожие. Ведь одной из главных задач советской власти было систематическое искоренение веры и религии «емных и невежественных народных масс».

В коммуне, членами которой стали мои родители, жили еще несколько еврейских семейных пар, соблюдавших субботу. Особенно большие трудности были у них именно с этим.

Маму, имевшую опыт оказания первой медицинской помощи, назначили медсестрой, но фактически она исполняла обязанности врача; это давало ей немалые возможности помогать евреям освободиться от работы в субботу. Она использовала свое положение, чтобы организовать урок еврейской жизни для женщин, – а папа в это время начал давать уроки мужчинам по Гемаре. Под предлогом контроля за исполнением санитарных правил мама присутствовала при дойке коров, и это решало проблему запрета на молоко, надоенное без наблюдения еврея.